

такое объяснение современникам в форме, которая была бы им легко понитной, подействовала бы на их сознание в широком смысле этого слова. Нельзя, правда, сказать, чтобы таких выступлений в первой половине XVIII в. совсем не делалось. Несомненно, напр., что Конарский в этом случае представляет замечательное исключение. Однако, и он начал с трактатов, которые своим кругозором не отличались от выступлений современников; только литературный талант заметно поднимал его уже тогда над другими публицистами. Настоящий же расцвет его деятельности падает на время, которое нас непосредственно здесь не занимает.¹ Что нас еще поражает в публицистике первой половины XVIII в. — это отсутствие достаточно четких устремлений; быть может, тут сыграла свою роль боязнь выразить определенно свое мнение; при непрерывных постоях иностранных войск в Польше того времени высказать слишком откровенно свою точку зрения по вопросам политическим было, разумеется, делом небезопасным. Но кроме этой черты, замечаем еще у среднешляхетского даже класса как бы потерю вкуса к подобного рода рассуждениям. Об этом согласно свидетельствуют *ramieŋnikarze* данного времени. Подобное явление могло уже быть естественным следствием начавшегося более интенсивно процесса разложения внутри данного класса. Выступить с проектами реформ, которые могли бы по-настоящему содействовать выходу из перманентного кризиса, в который попал тогда организм шляхетской Речи Посполитой, могли бы только представители других сословий, не имевших тогда права голоса. Шляхта поэтому неохотно берется теперь за перо для освещения этих вопросов. Лишь в наиболее острые моменты борьбы приходится так или иначе реагировать на происходящее. Отчасти это делают непосредственные участники этой борьбы, которые заботятся не столько о пропаганде своих идей, сколько о продвижении своих кандидатов на трон; для осуществления этих целей были, однако, как показал опыт, другие и притом более действительные средства — подкуп, которым широко пользовались теперь борющиеся стороны. Вот почему литературная пропаганда для них была лишь вспомогательным средством, дополнительным оружием, которое само по себе не могло иметь решающего значения. Вследствие такой своей роли публицистика данного времени приобретает еще более бесцветный характер, чем во времена рококо. Если уже тогда было много «анонимных» авторов, то теперь они решительно возобладали. Там, на ряду с анонимами, блистали такие имена, как Шимонович, Мясковский, Гроховский; здесь из

¹ О Конарском см. ценную монографию проф. Конопчинского: *Władysław Konopczyński, Stanisław Konarski, Warszawa, 1926.*